

Сергей Корниевский

Испанец

Не припомню, по какой именно причине я прозвал его Испанцем. Быть может, сыграла роль его внешность: невысокий рост, круглая, словно мяч, голова с высоким лбом и большой залысиной на затылке – с какой-то стати я решил, что именно так выглядят жители Пиренейского полуострова. Видимо, так в моем воображении представлялся папа Карло, который для меня был испанцем. А может быть, потому, что он там родился. Припоминается, он рассказывал какую-то историю о том, что его мать однажды поехала в Испанию по программе обмена опытом и вернулась домой с новыми знаниями и розовощеким человеком.

Вообще, процесс наделения псевдонимами своих секретных агентов у нас всегда был увлекательным и творческим делом. Каждый опер желал дать своему агенту имя как можно таинственней, при этом отразив в нем особенности личности. Например, один из доносчиков, о котором всем было известно, что он переболел онкологическим заболеванием, получил псевдоним Краб, а молодой юноша, завербованный в результате того, что во внутреннем кармане его зимней куртки был найден диск с порнографией, получил прозвище Лысый.

Не желающие прилагать творческие усилия опера называли своих агентов с натуры, то есть согласно их явным особенностям: Длинный, Дерзкий, Батрак, Бледный и так далее. Так как от нас требовалось заводить негласных доносчиков по графику, среди конфиденентов часто оказывались родственники, друзья или мало знакомые люди, не догадывающиеся, что они числятся в списках полицейских осведомителей. Эту информацию никто и никогда

не проверял. Подумайте сами: какой комиссар будет уточнять у гражданина, действительно ли тот собственноручно дал письменное согласие работать конторским доносчиком?

У меня к этим процессам был несколько иной подход. Своим настоящим и вымышленным агентам я давал имена известных убийц. На подпольном фронте мои задания выполняли Каплан, Принцип, Игаль, Освальд, Шварцбард. Мне казалось это находчивостью. Таким образом я желал произвести впечатление эрудита и умницы на начальника криминального блока подполковника Стецко, по должности вынужденного знакомиться с нашей дурью, которого все мы почитали за образец.

Хоть большинство расписок о добровольном сотрудничестве от имени моих агентов я писал самостоятельно, кое-как стараясь подделывать не похожие друг на друга почерки, Испанец дал письменное согласие добровольно. Короткое время я гордился этим приобретением.

Испанец был завербован в Крыжановке на Приморской улице во время самого обычного обхода территории, который я проводил практически ежедневно. Не помню, чем именно он вызвал мое подозрение, но в ходе личного досмотра я обнаружил в его кармане упаковку с травкой. Как выяснилось позже, это было его самое большое пристрастие в жизни, ради которого он был готов идти на все.

После задержания по пути в райотдел он спросил у меня разрешения зайти в местную забегаловку, для того чтобы выпить для смелости сто грамм водки. Я обычно не разрешал своим подопечным подобных вольностей, но его развеселый зазорный темперамент вынудил пойти ему навстречу. Я согласился, при условии, что пойду вместе с ним. Он пожаловался, что ему будет неловко в компании оперативника перед своими знакомыми. Не знаю почему, но здесь я опять дал согласие. Знал ли я, что в этом клоповнике два входа? Да, знал. Но забыл. Получив желаемое, этот плут вскоре вышел через второй вход и испарился в неизвестном направлении.

Он нашелся на другой день в этом же баре. Мне позвонил бармен и сообщил, что мой новый друг сидит за столиком в компании какой-то дамы. Когда я это услышал, с издевкой подумал о том, что

он нарочно вернулся, дабы снова увидеться со мной. Как выяснилось позже, эта экзотическая мысль не была безосновательной.

Вопреки тому, что у меня все еще хранилась запаянная в полиэтиленовый пакет и скрепленная «Печатью № 1» ранее принадлежавшая ему конопля, которая давала повод возбудить уголовное дело, все время, проведенное со мной, Испанец был невероятно весел и жизнерадостен. Складывалась впечатление, что все происходящее он рассматривает не иначе как увлекательное приключение, в которое следует нырнуть с головой.

Когда мы попали в мой кабинет, он тут же без спроса сел в кресло и закинул ногу на ногу. Мне показалось это странным, но я промолчал – последнее время я все настойчивей старался избавляться от традиционно грубого поведения по отношению к задержанным и избегать солдафонских шуток. Это был период, когда долгое время спавшие во мне гуманизм и кротость расцвели под влиянием прочтения нужных книг. Мне было двадцать семь, я становился зрелым. Мне казалось, что я начал понимать смысл прочитанных однажды слов: «Стиль полемики важнее предмета полемики».

Испанец был не таким, как все. Он вел себя, словно шкодливый подросток, впервые попавший в Диснейленд или на завод по производству танков. Он очень много шутил на разнообразные темы, от «работник пилорамы хотел доработать до пенсии, но пальцы закончились раньше», до «сомнений быть не может – за граница нам поможет», и задавал вопросы наподобие «Ты ел когда нибудь повидло из краба?». Когда, проходя мимо кабинета начальника, я попросил его вести себя тише, так как там сейчас проходит совещание, он произнес: «В КГБ идет совещание. Чекисты спорят о том, можно ли пытаться человека с фамилией Тюленин».

Я сидел в кабинете и составлял какие следует документы для будущего уголовного дела. Несколько дней назад на край стола я положил Библию. Не могу сказать, что я хотя бы раз читал ее на рабочем месте, она выполняла несколько иную роль. Во-первых, это была наглядная демонстрация любому вошедшему моих стремлений и происходящих во мне перемен. Во-вторых, ее присутствие налагало на меня определенные обязательства в поведении и словах: обнажив наш с ней союз, я не мог себе

позволить оскверниться. Испанец, стало быть, увидев книгу, спросил, хожу ли я в церковь. Я отвлекся и кивнул. Тогда совершенно неожиданно для меня с сокрушением в лице он посмотрел мне в глаза и голосом, полным серьезности, попросил сейчас же о нем помолиться. Я подумал, что это преамбула к будущему раскаянию в содеянном и попытка избежать наказания, к которой разнообразными способами прибегают находящиеся в его положении люди. Разумеется, никакое покаяние уже не могло избавить его от ответственности.

По правде говоря, я не любил говорить на подобные темы, предпочитая по возможности обходить их стороной. Старшие офицеры, увидев нововведение в моем кабинете, не придали этому никакого значения, и я тоже не акцентировал на нем внимание. Мат и насилие здесь – дело добровольное. К тому времени я еще никогда не молился публично, тем более в подобной компании. Это страшно, и обстановка не способствовала. Разговор с Богом – слишком интимный акт, чтоб разделять его со столь негодным человеком в столь вульгарном месте. Рассудите сами: могу ли я молиться о том, кого планирую упрятать за решетку?

Когда я открыл рот, для того чтоб отказаться, ко мне пришла другая мысль. Я вдруг подумал, что будет очень нечестно с моей стороны не помочь нуждающемуся в том, в чем еще совсем недавно нуждался я сам. Человек, ищущий прощения, непременно должен встретить участие. Почему-то мне вспомнилась Соня Мармеладова из Достоевского. «Это другое, бездарь, – сказал я себе. – Неточное цитирование – уже свое», – тут же парировал я Жванецким. Так с открытым ртом я просидел около тридцати секунд, в течение которых внутри меня происходила невидимая борьба.

– Хорошо, – произнес я и встал на ноги.

Испанец встал следом за мной и с интересом посмотрел мне в лицо. Я закрыл глаза и предельно искренне попросил Господа Бога о том, чтоб Тот даровал моему подопечному сил распрощаться с прошлыми пристрастиями, пожаловал новое сердце и желание отныне быть со Христом. Я говорил прямо, но очень робко, тихо, и практически с самого начала молитвы услышал, как что-то зашелестело на моем столе. Я не обратил на это особого внимания, отвлекшись на честный разговор с Богом.

Когда я закончил молитву и открыл глаза, с огромным удивлением обнаружил, что Испанец, усевшись одной ягодицей на мой стол, с интересом перелистывает составленные мной документы, держа их в руках. Этот мерзавец не нуждался в моей помощи, он просто надо мной насмеялся. Вскипев, резким рывком я вырвал документы из его рук и приказал немедленно вернуться на свое место. Кое-как я удержал свой язык, чтоб не выругаться, сел за стол и через несколько минут успокоился. В конце концов я утешался тем, что неминуемое наказание за подобную дерзость для него уже обеспечено благодаря материалам, лежащим на моем столе.

– А что это за церковь, в которую ты ходишь? – неожиданно спросил Испанец.

Я посмотрел на него с подозрением, предусмотрительно стараясь найти в вопросе какой-нибудь подвох.

– А тебе зачем?

– Нет, просто интересно, – ответил он. – Православная?

Вкратце я объяснил, что церковь, в которую я хожу, христианская. Если речь идет о деноминации – протестантская. Кое-как я рассказал ему, где находится храм, и для проформы предложил как-нибудь посетить богослужение.

– Никогда не слышал об этой церкви, – задумчиво произнес Испанец. – И сколько ей лет?

– Две тысячи, – выдержав недолгую паузу, ответил я.

Испанцу понравился мой остроумный ответ. Он приветливо улыбнулся, хитро прищутив глаза. Несколько минут мы сидели молча. Я, как и положено, составлял документы, время от времени поглядывая на задержанного, пока тот непонятно откуда взявшейся зубочисткой ковырялся в ухе и рассматривал свои блестящие туфли.

Несмотря на то, что я уже окончательно составил мнение об этом человеке как о несостоявшемся, утраченном для общества наркомане, некоторые детали его образа позволяли пробижаться во мне семенам сомнения. Во-первых, он был одет так, как совершенно не свойственно его сословию. Все ранее встречавшиеся мне поклонники травки и прочей веселящей кабалы выглядели примерно одинаково: синие или черные штаны,

свитера или кофты темных оттенков, черные туфли, безликие куртки и тому подобное. Испанец же был одет в светло-серую легкую куртку неизвестного мне фасона, горчичные брюки и белые ботинки с изображением то ли лимонов, толи каких-то цветков желтого цвета. Я никогда ранее не видел таких ботинок. Во-вторых, он был слишком счастлив и раскрепощен. По моему опыту, подвергаемые уголовному преследованию люди не ведут себя подобным образом. Испанец сидел в моем убогом кресле так, словно вот-вот за ним придет консьерж и отвезет его на круизный лайнер.

– Слушай, я прочитал там свою фамилию, – неожиданно заговорил он, указывая вялой рукой в сторону моих бумаг. – Ты можешь не стараться: ничего не выйдет.

Я не обратил на его слова внимания. От этого умника можно было ожидать чего угодно. Не останавливаясь, я продолжил составлять документы. Посудите сами: все доказательства у меня на столе добыты совершенно честным трудом – что может мне помешать вершить правосудие? Каково же было мое удивление, когда через несколько минут после его слов в мой кабинет вошел сам начальник райотдела и строгим голосом приказал немедленно отпустить задержанного, а все собранные материалы, включая вещдоки, – сжечь. Напоследок он справился у Испанца, не обижал ли я его за время нашего ошибочного знакомства, на что тот отрицательно покачал головой и после короткого рукопожатия собственноручно выпроводил начальника из кабинета.

Увидев это, я был шокирован. Рефлекторно встал со стула, выпрямился практически по стойке смирно и едва не отдал воинское приветствие. Сцена произвела на меня гнетущее впечатление, я был не в силах пошевелиться. На потеху своему новому другу я медленно нащупал рукой нос и потер его. Вдруг рассмеялся.

Кто передо мной? Что дальше делать? Как себя вести? С одной стороны, я понимал, что приказ необходимо выполнить, и раз уже этот загадочный человек сумел выпроводить из моего кабинета начальника, да так демонстративно, что я испытал за подполковника испанский стыд, то можно лишь вообразить, с какой легкостью он избавится от такого беспомощного служащего, как я. В то же время я понимал, что у меня на глазах хотят

обесчестить закон. Творится произвол, с которым я призван изо всех сил бороться. Может, пожаловаться? Но куда? Кто будет меня слушать, когда против меня невиданная сила? В этот момент я мысленно поблагодарил Бога за то, что ни разу не выругался на своего задержанного, ничем его не оскорбил и вел себя с ним предельно корректно, достойно. Несколько секунд после преобразования Испанец, стоя у двери, смотрел на меня все тем же ехидным, слегка насмешливым взглядом, затем сел в кресло и предложил мне занять свой стол. Я тяжело сглотнул и сел, не понимая, чего ожидать.

– Ладно, не принимай близко к сердцу, – неожиданно сказал Испанец и в знак утешения положил руку на мой стол. – Я брат министра сельского хозяйства. У меня иммунитет к подобным делам. Можешь проверить по фамилии.

Сказав это, он весело рассмеялся и медленно поднял голову.

Я не знал фамилию министра сельского хозяйства. Я поводел мышкой, чтоб разблокировать экран компьютера, и в поисковой строке ввел запрос. Передо мной возник ухмыляющийся пухлолицый человек средних лет, одетый в деловой костюм, на фоне сопутствующих атрибутов: просторный светлый кабинет, государственная символика, высокое кресло. Действительно, фамилии министра и моего задержанного совпадали до последней буквы. Я рассмотрел внимательнее фотографии. Вот министр с закатанными по локоть рукавами проводит инспекцию самого большого государственного предприятия, отчитавшегося за минувший квартал за минимальные дотации. Вот он, сидя в просторном конференц-зале, с серьезным лицом отвечает на вопросы журналистов. Вот за длинным столом выслушивает доклады озабоченных подчиненных.

– А то, что я тебе нарезал дело, так ты не парься. Я тебе сделаю новое, – внезапно заговорил Испанец, вытащив меня из погружения в министерскую жизнь. – Бери все, что тебе надо, и поехали в Крыжановку.

Сказав это, брат министра подошел к моему столу и положил себе в карман стоявший на краю пакет с вещественными доказательствами. Скупно втянув в себя воздух одной ноздрей, я сделал вид, что ничего не заметил.

Через пятнадцать минут мы были в Крыжановке. Всю дорогу Испанец веселил меня различными небылицами и смешными историями. Время от времени он смотрел на меня каким-то странным обреченным взглядом. Мне это не нравилось. По правде говоря, с того момента как мой новый друг заявил о своем высоком положении, меня не переставал мучить вопрос о том, что ищет столь обеспеченный и почтенный барин в компании такого провинциала, как я. Когда он бросил на меня еще один, как мне показалось, томный взгляд, я решил, что он гей. Я не раз слышал о том, что распорядители бюджетных средств наряду с представителями шоу-бизнеса и прочей знати по причине переизбытка развлечений и утех нередко скатываются к содомскому распутству. Это наряду с его мятежным нарядом лишь усиливало мое подозрение. Мне захотелось остановить машину и вытолкать попутчика наружу. Не то чтоб я был настроен враждебно по отношению к геем. Напротив, в юности у меня был знакомый фотограф, с которыми у меня долгие годы были теплые приятельские отношения. Он, к моему нескончаемому удивлению, всегда разрешал мне, оборванцу из бедной семьи одесской периферии, беспрепятственно пользоваться его дорогой техникой. Это вызывало мое к нему уважение и искреннюю мужскую симпатию. О настоящих причинах подобной лояльности я узнал намного позже. Несмотря ни на что, я сохранил с ним приятельские отношения, хотя и обозначил, что влечение к представителю одного пола никогда не найдет моего одобрения, и, на мой взгляд, это форма психического расстройства. К счастью, он никогда не решался заговаривать со мной на подобные темы ранее. Думаю, именно благодаря этому мы до сих пор с ним время от времени общаемся.

Позже выяснилось, что я ошибался насчет брата депутата. Находясь в Крыжановке, он встретился с какой-то подъехавшей на шикарном автомобиле светловолосой девицей, которую в моем присутствии бесцеремонно хватал за ягодицы и грудь и крепко целовал в губы.

Долгое время я не мог прийти в себя. Череду всех невероятно странных событий, произошедших за тот день, навела меня на мысль о том, что я участвую в некоем розыгрыше или телевизионном шоу. Здесь я снова с благодарностью вспомнил о своей

кротости, с которой отнесся к задержанному. Раз уж меня покажут по телевизору, как хорошо, что в столь привлекательной форме. Я-то знаю, что я собой представляю на самом деле. Я стал присматриваться к стоящим поблизости автомобилям в поисках скрытых камер, искал их среди людей через дорогу, в магазинах, закоулках между прилавками и так далее. Безрезультатно. Стало быть, это не шоу.

Вдоволь нацеловавшись со своей подругой в дорогом авто, Испанец подошел ко мне, показал небольшой прозрачный пакет, заполненный серо-зеленым веществом, и сказал, что сейчас сделает мне уголовное дело, которого я лишился по причине его министерского происхождения. Не дождавшись моего ответа, он резко направился в бар «Десант», находивший в ста метрах от нас. В «Десанте» собиралась сочная публика.

Испанец вошел туда, как звезда, широко размахивая руками и громко о чем-то говоря.

Я подошел ближе к бару и увидел, как брат министра заказал три бутылки пива и присел за столик к двум молодым людям. Я не стал следить за всем, что происходило в «Десанте» далее. Чтоб не привлекать к себе особого внимания, я отошел от окон и сделал вид, что отвлеченно разговариваю по телефону.

Через несколько минут мой новый друг вышел. Он повертел большой головой по сторонам и, увидев меня в нескольких десятках метров от входа, срочно подбежал. Я убрал телефон в карман и сделал несколько шагов навстречу.

– Ты видел, к кому я присел за столик в баре? – слегка взволнованно спросил он меня.

– Да.

– У того, что с портфелем, в сумке пакет с травой. Иди, принимай, это тебе награда за терпение, – самодовольно произнес Испанец и похлопал меня по плечу.

К этому времени приехал мой напарник Паша, которого я с нетерпением ожидал с момента перевоплощения задержанного в нового друга. Постояв несколько минут около бара и поняв, что ожидать выхода наших подозреваемых можно очень долго, мы с напарником вошли внутрь, представились парочке отдыхающих и попросили их пройти с нами. Это были два молодых

человека из области на западе страны, приехавших в Одессу работать на строительстве супермаркета «Metro». Хозяин злополучной сумки носил очки, выглядел интеллигентным молодым человеком. Зачем он согласился принять увеселительный знак от незнакомца, я не знаю. Завернув за бар, мы для проформы обыскали обоих молодых людей и, как и обещал Испанец, в портфеле одного из них нашли пакет с коноплей. На вопрос о том, где он взял запрещенное зелье, молодой человек ответил, что нарвал его неподалеку от стройки. Это было именно то, что я хотел услышать. Если бы он сказал правду, мне бы пришлось возбуждать дело о распространении наркотических средств в отношении неустановленного лица.

На прощание перед нашей командировкой в «Десант» Испанец сделал мне несколько комплиментов по поводу моей манеры вести дела, выразил надежду, что на своем поприще я достигну больших высот, и краем фразы намекнул на то, что подобные порядочные люди очень нужны руководству. О какой именно порядочности шла речь, после всего случившегося в этот день беззакония я не понимал, но в свете его высокого происхождения и моего тщеславия они звучали очень многообещающе. В конце он сказал, что хочет познакомиться со мной поближе, и так как завтра выходной, будет ждать меня и моего напарника на этом же месте в семь часов вечера. Он сказал, что обещает хорошее времяпрепровождение, все траты берет на себя и так далее. После этих слов он сел в машину к блондинке и уехал в сторону «Молодой гвардии».

На следующее утро я сделал зарядку и решил, что могу спорить с Богом. Весь день я провел в безмолвных беседах с Ним о том, стоит ли мне соглашаться на предложение брата министра. Вопреки тому, что громкий отчетливый голос внутри меня без устали указывал на необходимость позабыть о вчерашних приключениях и согласно моему новому кредо отправиться в церковь, вероломный двуличный певец на другом конце говорил об обратном. Борьба лукавства и целомудрия длилась весь день. Я страдал и мучился оттого, что не мог переубедить собственную совесть. Я рассказывал ей о тех подвигах и благодеяниях, которые смогу совершить для всех нуждающихся в случае успешно-

го сближения с братом министра сельского хозяйства. О том, что ради достижения благородных целей порядочным людям порой необходимо погружаться в мрачные подземелья, и так далее. В доказательство своих слов я привел пример Нельсона Манделлы, чью автобиографию закончил читать несколько дней назад. «Это другое, бездарь», – опять прозвучало в моей голове. Тем не менее я не унимался. Я вспоминал о всех случаях, когда из-за собственной легковесности я не мог помочь абсолютно честным и безукоризненно правым людям. Я твердил о том, что в результате моего союза с высокопоставленным другом в будущем подобного произвола не случится. Совесть не шевелилась. С любовью, но сердито и строго она смотрела мне в глаза. Надо ли говорить о том, что мои настоящие мотивы носили совершенно иной характер. Как и любому испорченному человеку, мне было свойственно укутывать свои низкодушные желания в благородную изысканную упаковку.

Испанец опоздал. Он приехал на том же шикарном автомобиле в компании той же привлекательной блондинки. В этот раз я рассмотрел ее повнимательней. Мне сразу бросились в глаза ее короткая юбка и тонкие изящные ноги, спрятанные в темные колготки. Небольшой размер груди компенсировали широкие бедра и рельефная талия. Когда я сел в машину, сразу поймал на себе ее пленительный интригующий взгляд. Казалось, она оценивает меня глазами заказчика. Я кое-как усмирив свой плотоядный взгляд и отвел его в сторону.

По пути к месту отдыха Испанец вытащил из кармана плотно забитую травкой папиросу и с демонстративным удовольствием закурил. Салон автомобиля наполнился приторным запахом конопли. Дыша этим воздухом и глядя в окно, я иронизировал над комичностью положения, в которое себя поставил: брат министра курит травку в присутствии двух блюстителей порядка, везет угощать их за свой счет и рассказывать о дефиците порядочных кадров. Испанец предложил сделать несколько тяг мне с Пашей, но мы деликатно отказались.

Мы приехали в респектабельный ресторан с элементами ночного клуба в оформлении в центре Одессы. Я никогда не бывал здесь ранее. Нас уже ждал большой накрытый стол,

за которым, к нашему с Пашей удивлению, уже сидели две молодые девушки, одетые не менее вызывающе, чем подруга Испанца. Увидев их, Паша взбодрился и сел рядом с одной из них. Я сел рядом с Пашей.

Несмотря на то, что около брата министра на другой стороне стола было свободное место, его беловолосая пассия села рядом со мной. Подвинув ближе ко мне свой стул, она попросила налить ей выпивки. Я удивился этому маневру, но смиренно выполнил ее просьбу. Испанец произнес какой-то невнятный тост, и мы выпили. Блондинка под села ко мне еще ближе и начала расспрашивать о моей работе. Она говорила, что я, наверное, очень отважный, раз решился работать в столь опасном месте, что ей интересно слушать мои истории о поимке преступника, о своем последнем деле и так далее. О каком деле ей рассказать? Последнее мое дело сидит напротив нас. До этого я четыре дня ездил в райотдел и закрывал накопившиеся дыры в бесполезных секретных материалах. Не знаю, как сейчас, но тогда каждое уголовное производство по тяжелой статье должно было иметь собственное оперативно-розыскное дело, в рамках которого проходили тайные мероприятия: телефонные прослушки, проникновение в жилье, наружное наблюдение и тому подобное. Само собой, ничего этого не происходило, но отчетов по исполнению ежеквартально требовало начальство в управлении. Я промямлил какие-то слова о том, что у людей слишком романтизировано представление об уголовном розыске, на что девушка ответила, что любит романтические истории, и снова предложила налить нам выпить. Когда рюмки были заполнены, она взяла одну из них и предложила выпить на брудершафт. Я отказался. Подняв рюмку, резким рывком я залил ее содержание себе в рот и закрыл глаза. В этот момент блондинка приблизилась ко мне вплотную, и обе руки положила мне на ноги. Не желая эскалации, я вскочил со стула и направился на танцевальную площадку. Что она себе позволяет? Что это за нравы такие? Еще вчера она в моем присутствии облизывалась с братом министра и позволяла щупать себя за все подробности, а сейчас на виду у всех соблазняет меня. Не могу сказать, что она была мне неинтересна, но я согласился приехать не для этого. В конце концов я могу поплыть.

Увидев, что я покинул стол, Испанец схватил двух веселившихся с ним и Пашей девушек за руки и потащил их на танцпол. Следом за ними вышли Паша и блондинка. Плавной походкой она подошла ко мне, схватила за руку и потащила к себе.

– Ну ты и душнила, – сказала она смеясь, когда мое ухо оказалось у ее рта. – Я что, не в твоём вкусе?

Эта колкость звучала как комплимент. Ее миловидное и слегка покрасневшее от выпивки лицо смотрело на меня по-приятельски, можно даже сказать, по-сестрински. Не добившись цели, стало быть, она решила сделать из меня своего друга. Я ответил ей что-то вроде того, что она красивая девушка, но я здесь не для этого. После такого диалога она еще пару раз приглашала меня сопроводить ее до машины или в туалет, но я каждый раз, улыбаясь, отказывался. Вскоре набег прекратились.

Пустопорожний вечер шел своим чередом. Танцпол сменялся застольем и наоборот. От выпитого алкоголя у меня в голове начали туманиться мысли. Я ждал, когда же наконец брат министра начнет добиваться цели, декларируя которую, он пригласил меня на отдых. Когда мы заведем деловую беседу? Когда мы будем знакомиться поближе? Когда заговорим о дефиците порядочных кадров и нашем будущем? По правде говоря, на парах своего воспаленного воображения я уже не раз позволял себе пророчить блистательное продвижение по службе и небывалый карьерный рост. Рассудите сами: у меня друг – брат министра. Пусть и с трудом, но я сумел произвести на него безупречное впечатление в совершенно непредсказуемых, можно сказать, агрессивных для себя условиях. Это ли не успех? В ближайшем будущем я мнил себя заместителем начальника райотдела или командиром розыска, а заглядывая вперед, замечал, как виднеются большие погоны и важная должность в столице. Чего уж там, быть может, портфель самого министра внутренних дел когда-то почувствует нужду в смене хозяина на такое сокровище, как я... Во время очередного возвращения к столику, видимо, растрогавшись происходящим, пьяный брат министра с размахом заявил о том, что планирует пригласить нас с Пашей в Киев и лично познакомиться со своим братом. Эти слова наполнили новым содержимым пустевший сосуд терпения.

Время шло, но ничего не менялось. С каждым подходом к столу Испанец становился все пьяней. Разговором на серьезные темы и не пахло. Брат министра выглядел жалко, но я ждал его, как преданный пес, и иронично сверлил собственное лицемерие. Настал момент, когда, сидя за столиком, я увидел, что Паша и брат министра на танцевальной площадке сцепились с какими-то двумя отдыхающими.

Испанец размахивал перед лицом одного из них руками и что-то очень громко вещал. Паша стоял рядом. Покосившимся взглядом он наблюдал за происходящим. Я встал и направился к отдыхающим. Подойдя к ним, я попытался разобрать, что говорит мой будущий покровитель, но ничего из его слов понять было невозможно. Его красное перекошенное лицо шевелилось каким-то неестественным образом, обращая то к одному, то к другому слушающему. Два парня, с которыми ругались Паша и Испанец, были одеты в легкую темную одежду, были невысокого роста, плотного, я бы даже сказал, коренастого телосложения. Держа перед собой немного напряженные руки, они спокойно следили за движениями своих собеседников, время от времени говоря что-то в ответ. Их слегка согнутые в коленях ноги стояли на ширине плеч – левая нога ближе к оппоненту, правая позади, как опора. Обратив взгляд на их лица, я испугался. У обоих из голов торчали по два уродливых обрубка, похожих на сильно переваренные пельмени. Это были их уши.

Конфликт не мог закончиться ничем хорошим. От этих парней не исходила агрессия, но чувствовалась уверенная готовность к схватке. Несмотря на явное нежелание спортсменов нанести вред двум моим легкомысленным друзьям, вероятность обострения была велика. При подобном развитии нам не смогло бы помочь ни высокое звание брата министра, ни даже мой спрятанный под курткой пистолет. Я едва ли успею прикоснуться к бегунку на змейке, прежде чем мне нанесут какую-нибудь травму. Вдобавок к этому я не готов здесь стрелять.

Испанец говорил много и активно жестикулировал. Было понятно, что в словесном жанре он легко укладывал соперников на лопатки. Атлетам нечего было противопоставить болтливому языку брата министра. Но по Паше я видел, что тот закипал. Ка-

кой умник придумал идиотский совет насчет того, что если драка неизбежна, бить нужно первым? Я вспомнил, что эту сентенцию часто любит повторять мой напарник. Паша дерзкий. Паша знает мало слов, но Паша может ударить первым. Тем более под впечатлением высокого положения своего союзника. У Паши были такие же широкие плечи и крепкие руки, как у ребят напротив. Но у Паши не было таких ушей.

Схватив обоих за руки, я попросил спортсменов не обращать внимания на моих выпивших друзей и продолжить наслаждаться вечером. Паша и Испанец сопротивлялись, но я был слишком решителен и груб. Усадив их на стулья у нашего столика, я громко выругался и рассказал обоим о замеченной мной детали. Брат министра не обратил на мои слова внимания и продолжал выкрикивать в адрес своих оппонентов едкие колкости, но его уже никто не слышал. Паша нахмурился и задумался. Стало быть, он понял, от какого бесславия я его только что спас.

Примерно через десять минут после случившегося, когда вся компания сидела за столом, я отлучился по нужде. Я уже прекратил грезить о продвижении по службе и смирился с тем, что принять предложение брата министра была плохая идея. Я желал как можно скорее покинуть ресторан и попасть к себе домой. Завтра начиналась новая рабочая неделя. С этими мыслями я вышел из туалета и увидел, что около нашего столика какая-то суета. Несколько тревожных людей в черных куртках стояли рядом с Испанцем и его блондинкой и что-то им говорили. Это не были атлеты из недавней ссоры. Я подошел ближе в тот момент, когда один из неизвестных взял брата министра под руку и поволок к выходу. Другой держал за руку блондинку и тащил ее следом. Когда я приблизился, ребята в черных куртках посмотрели на меня с презрением, но ничего не сказали. На улице их ждали две машины с киевскими номерами. Один из незваных гостей сел за руль красивой машины блондинки и спустя минуту кортежем они скрылись на соседней улице.

Я вернулся в ресторан. Паша сидел рядом с двумя девицами и о чем-то с ними беседовал. Поняв, что ситуация вышла из-под контроля, я думал предложить напарнику слиться, но растерянные и озабоченные лица девушек остановили меня. Я позвал

официанта и попросил принести нам счет. Чек был чуть выше моего месячного оклада. На двоих у нас с Пашей нашлась сумма лишь для оплаты двух салатов, которые заказали девушки еще до нашего приезда. Я позвонил в дежурку и попросил сержанта отправить за нами машину и привезти деньги.

По пути обратно Паша рассказал мне, что эти тревожные люди были служащими министра. Они специально приехали в Одессу, чтоб найти непутевого старшего брата своего начальника, отправившегося для кутежа на юг.

Девушки рассказали ему, что это не первый случай, и у министра уже ранее случались проблемы из-за выходок родича.

Попав в свой кабинет, я сел в кресло и просидел в темноте несколько минут. Мне страстно хотелось кого-то обвинить в произошедшем, но винить было некого. Пашу пригласил я. Испанцу не было до меня никакого дела. Я включил свет, и мой взгляд сразу упал на неподвижно лежащую на краю стола Библию. Я взял ее в руки, открыл на случайном месте и прочитал первый попавшийся текст. Это было Матфея, тринадцатая глава, с четвертого стиха: «и когда он сеял, иное упало при дороге, и птицы налетели и поклевали то; иное упало на каменистые места, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; Иное упало в терние, и терние выросло и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод. Кто имеет уши слышать, да слышит!».

Я услышал. Я встал на колени, помолился, разложил кресло и лег спать. С тех пор с братьями министров я больше не общался.

